

П у б л и ч н а я с ф е р а как фактор формирования общественного сознания

Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий

Воронкова Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела анализа социально-политических процессов, Институт социологии Российской академии наук, Москва

E-mail: olden@lianet.ru

Развитие публичной сферы в России как необходимое условие разрешения социальных противоречий

Аннотация

Обострившиеся к началу второго десятилетия XXI века социальные противоречия, выявившие серьезные различия идеологических установок массового сознания, очевидно требуют скорейшего разрешения. Активно разрабатываемые и реализуемые российской политической элитой технологии погашения разногласий на основе возрождения принципов государственного доминирования в социальной жизни не отвечают требованиям современности. Сложные отношения политических элит и активного общества уже не поддаются объяснениям структурно-функциональных теорий, согласно которым элиты призваны осуществлять однонаправленное руководство массами. В статье рассматриваются современные коммуникативные подходы, акцентирующие двусторонний, взаимодействующий характер отношений правящих элит и общества и развивающие принципы «коммуникативной этики», как наиболее приемлемые для задач поиска взаимопонимания и достижения социального согласия. Необходимым условием разрешения противоречий современного общества становится не стремление к «победе на поле боя», а умение договариваться. Поднимаются вопросы развития конкурентно-коммуникативного пространства в России, анализируется теоретическое понятие «публичной сферы», в которой проясняются социальные интересы и требования, приводятся рациональные аргументы в защиту различных точек зрения и формируется дискурсивная культура, предполагающая развитие навыков слушать и слышать оппонента, формирование установок на поиск компромиссов и принятие взаимоприемлемых решений. Автор сравнивает условия становления «публичной сферы» в западноевропейской и российской истории, рассматриваются исторически сложившиеся и современные препятствия на пути становления гражданского сознания в России, а также возможности и перспективы развития публичного пространства.

Ключевые слова: публичная сфера, массовое сознание, идеология, социально-политический дискурс, коммуникативная этика

Для оценки перспектив разрешения противоречий современного общественного сознания необходимо определить факторы, влияющие на его формирование. В научной литературе сосуществуют прямо противоположные трактовки влияния различных факторов на общественное сознание. Взгляды на общество как лишь управляемую элитами массу соседствуют с представлениями, что общественное сознание

развивается вместе с изменениями личностных потребностей, столкновением интересов, сопоставлением господствующих в обществе представлений и идей с фактами повседневной жизни. Подчёркивая сложную гносеологическую и социальную природу массового сознания, «неизменно включающего в себя элементы как обыденного, так и теоретического сознания», Б. А. Грушин справедливо считал, что понимание этого феномена должно достигаться не путём абстрактного противопоставления различных факторов и механизмов, а «путём их совместного рассмотрения в тех или иных конкретных, реальных ситуациях порождения массового сознания, путём фиксирования действительных связей между ними, установления разнообразных форм их взаимодействия» [Грушин 1987: 346].

Очевидным примирением крайних позиций, встречающихся в определениях, можно считать признание сложного диалектического характера формирования и функционирования общественного сознания. С одной стороны, оно органически включено в формирование сложных символических конструкций – традиций, религий, идеологий. С другой – оно продуцирует альтернативные воззрения, мнения и способы оценивания предлагаемых или навязываемых политическими или культурными элитами моделей мышления. Насколько общественное сознание связано с элитарными интерпретациями действительности и насколько оно способно противостоять разного рода претензиям на доминирование зависит от многих факторов. В их числе общее экономическое благополучие, соотношение политических, экономических и общественных весов, ситуативные настроения, внешние факторы и т. д. Общественное сознание соответствует особенностям своего исторического времени и состоянию геополитических условий, которые прямо или косвенно определяют ресурсы и возможности развития.

Взаимодействие элит и общества редко происходит беспроблемно и гармонично. Ни классическая структурно-функциональная модель периода раннего модерна, ни современные социокультурные и коммуникативные теории не объясняют в полной мере всех сложностей взаимодействия. Согласно структурно-функциональной теории, элита (политическая, прежде всего) определяется как носитель коллективной ответственности за формулирование общих целей, установок, норм. Она осуществляет однонаправленное руководство обществом как интегрированным исполнителем поставленных задач. Новые коммуникативные подходы, анализируя структурные изменения эпохи модерна, делают упор на двустороннем, взаимодействующем характере отношений элиты и общества. Основной задачей взаимодействия становится достижение взаимопонимания и социального согласия. Однако практика

реальных взаимоотношений чаще демонстрирует неготовность ни элит, ни масс к идеальному соответствию теоретическим моделям.

В современных развитых обществах механизм взаимодействия политических элит и граждан становится гораздо более сложным и динамичным, нежели в эпоху раннего модерна. При сохранении экономических и статусных доминирующих позиций политических элит их ментальная дистанция от массового сознания существенно сокращается. Значительно усиливается зависимость их деятельности от образованной и активной общественности, для которой политическая элита уже не является безусловным авторитетом и инструктором осуществления жизненного проекта. Основным гарантом стабильности современного общества служит баланс социальных и индивидуальных интересов, достичь которого в условиях растущего многообразия способов и стилей жизни не так просто. От элит требуется принятие решений в интересах всего общества при фактическом невмешательстве в частную жизнь граждан, стремящихся реализовать собственные интересы. На практике это оказывается противоречивой задачей, часто невозможной для исполнения без ущемления чьих-то прав.

Задача сохранения согласованности взглядов и мнений по ключевым вопросам общественного устройства, в том числе базовых норм и ценностей, многократно усложняется в условиях глобализации. Мощные тенденции разрушения межнациональных барьеров в интересах экономической реализации и культурного обмена сталкиваются с политическими задачами охраны национальных интересов, потенциально опирающимися на силовые ресурсы в разрешении противоречий. Несмотря на локальные достижения в деле самоопределения и сохранения территориальных автономий, попытки установить совершенно замкнутые геополитические пространства в глобальном мире всё более явно видятся бесперспективными. Политические элиты вынуждены переключаться с целей совершенствования «искусства воевать» на обучение «искусству договариваться» как на внутреннем, так и на глобальном политическом поле. Несмотря на трудности на пути достижения социального и межнационального согласия, необходимость продвижения вперёд на этом поприще признаётся неизбежным условием дальнейшего развития человечества.

Публичная сфера

Противоречия массового сознания являются прямым следствием складывающихся отношений элит и масс. В процессе производства жизни складываются ментальные системы,

в которых опытным путём накапливаются, перерабатываются и закрепляются наиболее важные для общества ценностные ориентации, нормативные установки и способы поведения. Элиты вербально и символически формулируют и закрепляют ментальные системы, параллельно создавая институциональные механизмы, проводящие их в массовое сознание. Однако в критические моменты истории эти механизмы дают сбой под влиянием факторов, зреющих в процессах саморазвития массового сознания. Противоречия массового сознания развиваются при сопоставлении представлений о должном государственном устройстве, сформированных элитами, с реальной жизнью, в той или иной степени отличающейся от предлагаемой модели. Долго накапливаемое недовольство низших слоёв своим подчинённым и экономически невыгодным положением, периодически выплёскивавшееся в виде отдельных актов неповиновения и массовых открытых бунтов, в определённый момент приводит к серьёзным структурным изменениям в обществе.

Такие изменения стали происходить в странах Западной Европы с конца XVII в. – период начала развития торгово-промышленных отношений. Бурный рост производства, вызванный всплеском научно-технических открытий, требовал расширения обмена продуктами производства и стал определять векторы развития политических принципов управления. Политические процессы постепенно оказывались в подчинении у экономических интересов, требующих открытости, мобильности и обмена информацией.

Потребность в широком обмене информацией, её обсуждении и поиске взаимовыгодных решений стала особенно ощущаться в активно развивающейся среде промышленников и коммерсантов, владеющих и распоряжающихся частной собственностью. В городских поселениях стали появляться особые места, где предприниматели могли встречаться, обмениваться мнениями по вопросам развития бизнеса. Постепенно такая практика укоренилась в широких общественных кругах. Люди стали систематически собираться на площадях, в кафе и барах для обсуждения самых разных вопросов, от бытовых до политических. Новый период развития коммуникации ознаменовался началом широкого использования быстро развивающихся медийных ресурсов в виде писем, газет, журналов и книг для распространения своих или чужих идей. Возникло особое коммуникативное пространство, впоследствии получившее определение «публичной сферы», которое постепенно изменило характер прежних социально-политических отношений.

Традиционный уклад жизни, основанный на жёсткой иерархии слоёв во главе с персонифицированной властью, постепенно трансформировался в качественно иной, при кото-

ром власть теряла «богом данное право» на диктат, а общество требовало и добывало себе право на участие в политической жизни. Эту трансформацию убедительно продемонстрировал Ю. Хабермас в книге «Структурная трансформация публичной сферы» [Habermas 1962]. В концепции «публичной сферы» Хабермас развивает социологические идеи Э. Дюркгейма и М. Вебера, рассматривавших процесс превращения общества традиционного («механического» в терминологии Дюркгейма) в «органическое» или «рациональное» состояние. Инструментально-целевая рациональность стала доминирующим фактором формирования массового сознания в Западной Европе [Вебер 1990]. Эта трансформация характеризуется тем, что общество учится осознавать и отстаивать свои интересы, продвигать их во властные структуры и добиваться их реализации. Рациональное состояние общества меняет основания легитимации власти. Современное государство «основывается на общественных интересах и общей воле, коммуникативно формируемой и дискурсивно проясняемой в политической публичной сфере» [Habermas 1992: 81]. Западная демократия развивалась по пути постепенного освобождения массового сознания от сковывающих его религиозных рамок и традиционных штампов мышления, формирования умения договариваться и оказывать влияние на принятие политических решений. Публичная сфера разрушает «серые», недоступные общественному вниманию сферы принятия решений, требуя открытости и прозрачности самого процесса. Легитимация политических решений становится функцией открытой публичной дискуссии свободно мыслящих личностей.

Хабермас рассматривает два этапа развития публичной сферы. Первый отмечается с конца XVII в. в Англии, Франции, США и Германии, когда феодальные общественные структуры стали трансформироваться в буржуазные. Постепенно стали разграничиваться публичные и частные стороны жизни, сферы государства и общества. Сформировалась так называемая «буржуазная публичная сфера», в которой в процессе дискуссий и дебатов проявился новый элемент массового сознания – «общественное мнение». В развитии понятия «публичной сферы» прослеживается трансформация его пространственного содержания в социально статусное. Свободное обсуждение публично высказываемых личностных позиций и потенциал влияния сформированной в результате обсуждений и споров коллективной позиции на развитие социально-политических отношений придаёт общественному мнению статус особого социального института.

Второй этап в трансформации публичной сферы произошёл уже в XX в., когда из «буржуазного общества» развилось так называемое «общество благосостояния» (welfare state), основанное на принципах равенства возможностей для

всех членов общества и справедливого распределения общественного богатства. На этом этапе чёткая демаркация между публичным и частным, государственным и общественным постепенно размывается, диалектически «снимается» как уже решённая задача. Частная и публичная сферы вступают в «комплиментарные отношения друг к другу», то есть начинают дополнять одна другую, образуя особые формы «социально интегрированных сфер действия» [Habermas 1992: 319]. Общественное самосознание достигает уровня, необходимого для нормативного закрепления механизмов поиска взаимопонимания и достижения согласия. Институциональное ядро частной сферы – семья, выполняет задачу социализации подрастающего поколения: способности к выдвижению и защите личностной позиции, формированию установок толерантности и готовности к компромиссам. Институциональным ядром публичной сферы являются коммуникативные сети, организованные в СМК, которые дают легализованную возможность гражданам участвовать в процессах социальной интеграции через формирование общественного мнения.

Критики концепции Хабермаса упрекают его за то, что он предъявляет слишком строгие требования к социально-политическому дискурсу. Хабермас настаивает, что предъявляемые в дискурсивных процессах позиции должны быть рационально аргументированы, а те, кто приводят аргументы, должны обязательно учитывать другие мнения. В рационально-критических дебатах побеждает «лучший аргумент», а их принципиальной целью является движение от конфликтующих интересов к общему и, как результат, достижение общественного консенсуса. Хабермас считает объективно возможным свести конфликт интересов до минимума и организовать общество, объединённое общими интересами, выраженными в законах, которые прошли сквозь «давление улицы».

Без сомнения, реальная политическая жизнь всегда богаче идеальной модели, в основе которой лежит понятие рационально организованного общества. Реальная публичная сфера не представляет собой строгой рациональной системы, в ней присутствуют лишь фрагменты определённых мыслительных систем, религий, идеологий, научных теорий, либо осмысленных, либо некритически воспроизводимых. На формирование общественного мнения оказывают серьёзное влияние чувственные аспекты сознания, стереотипные суждения и спонтанные реакции на текущие события. Тем не менее, нельзя не согласиться с Хабермасом, что именно высокий уровень рациональности придаёт активистам, выражающим своё мнение в публичной сфере, статус полноправных участников политических процессов. Рациональность является главным качеством, отличающим действия в политической публичной сфере от стихийно-массовых выступлений. Фактор рефлекс-

сивного осмысления позволяет частному интересу публично проявиться, делает возможным формулирование общественных интересов и их продвижение на уровень принятия решений.

Другой вопрос, что само качество рациональности может проявлять себя не всегда так, как ожидают теоретики. Рациональность мышления и поведения, как показала практика, вовсе не является гарантом достижения общественного согласия.

В своё время М. Вебер, анализируя последствия рационализации сознания эпохи раннего модерна, пришёл к пессимистичным выводам. На смену веры в Бога как связующей общество нормативной основы, требующей самоотречения и самопожертвования, пришло множество несоизмеримых интересов, целей и стремлений их реализации любыми средствами, в том числе в ущерб интересам других членов общества. Конфликтующие цели невозможно, как оказалось, примирить иначе как посредством силы, политического или административного давления. Инструментально-целевая рациональность логично привела к созданию формализующих механизмов поддержания целостности социальных систем. Ю. Хабермас назвал этот процесс «колонизацией жизненного мира» с негативными последствиями для развития публичной сферы. Прогрессивные идеи XVIII–XIX вв., составившие фундаментальное ядро мировых идеологий XX в., явились в то же время инструментом обработки массового сознания в целях реализации узкогрупповых интересов. Инструментальный разум стал причиной возникновения фашизма, дегенерации «научного социализма» К. Маркса в сталинизм, тотальной бюрократизации капиталистического общества.

Социокультурный контекст свободного общения и взаимного обмена волеизъявлениями довольно быстро оказался в подчинении у политических идеологий и бюрократических процедур, что привело к развитию тенденции систематического искажения свободной коммуникации или её блокировки в случае противоречия общественного мнения государственным интересам. Свобода экономического взаимодействия также быстро была подавлена развитием крупных корпораций, поделивших между собой рыночное пространство, и постепенно заместивших политический диктат маркетинговым. Маркетинговые технологии, составившие прямую конкуренцию политическим, лишь добавили усмирительного эффекта всем возможным альтернативам, а в отсутствие альтернатив общество теряет рациональные основания [Маркузе 1994].

Колонизация жизненного мира формализующими механизмами, поддерживая формальную целостность, разрушает единство индивидуального и социального миров, в результате чего социальный субъект теряет способность последовательно выстраивать свой жизненный проект, а общество теряет цен-

Рациональность мышления и поведения, как показала практика, вовсе не является гарантом достижения общественного согласия.

Колонизация жизненного мира формализующими механизмами, поддерживая формальную целостность, разрушает единство индивидуального и социального миров, в результате чего социальный субъект теряет способность последовательно выстраивать свой жизненный проект, а общество теряет ценностно-нормативную основу повседневных отношений.

ностно-нормативную основу повседневных отношений. Когда нормативные структуры не находят основы в социальном консенсусе, когда происходит разрыв между содержанием социальной практики и формально-символическими формами регуляции, социальная интеграция находится в опасности. Общество теряет свою функциональность, обеспечиваемую сбалансированным взаимообменом различных уровней.

По мнению Ю. Хабермаса, решение кризисных проявлений должно быть найдено на уровне новой формы рациональности – коммуникативной этики как высшей стадии развития внутренней логики социальных систем. Хабермас считает дискурсивный тип рациональности, характерный для позднего модерна и определяемый как способность общества приходить к взаимопониманию и согласию, высшей ступенью по сравнению с инструментально-целевым типом, описанным М. Вебером. Дискурсивная форма коммуникации проходит в условиях, сознательно очищенных от принуждения и давления со стороны каких-либо господствующих символических форм. Коммуникативное действие может теперь считаться рациональным лишь при условии, что любое высказывание в принципе может быть подвергнуто критике, а предложение одной стороны *принято* другой стороной, а не навязано ей силой. «О рациональном соглашении можно говорить в том случае, когда возникает состояние общей убеждённости» [Habermas 1991: 287].

Публичная сфера, считает Хабермас, обладает высоким потенциалом для противодействия факторам, искажающим коммуникативное пространство. Это социокультурный потенциал, развивающийся теперь по другим линиям, нежели в эпоху раннего модерна. Это уже не столько политический протест, продвигаемый через создание партий и ассоциаций, полностью подчинённый бюрократическим механизмам, сколько «субинституциональные» формы противодействия. Новые формы возникают в сфере индивидуальной реализации, стилей жизни, защиты прав человека и т. д. Они находят своё символическое выражение либо в создании новых идеологий (экологических, гендерных и пр.), которым теперь в условиях социокультурной диверсификации и жёсткой конкуренции трудно претендовать на тотальность; либо в неформальных способах самовыражения различных «субкультур»; либо просто в отстранённых от политики проявлениях «здорового смысла», присущих повседневной практике [Habermas 1992: 391–395].

Возникновению принципиально новых форм коммуникации способствует быстрое развитие информационных технологий. По убеждению М. Кастельса, новые информационные технологии и, прежде всего, развитие интернета выводят общественные структуры на качественно новый уровень.

Включение в электронно-интегрированную коммуникационную систему имеет важные последствия для социальных процессов. Это, прежде всего, развитие стимулов, побуждающих общественные структуры к открытости, прозрачности, расширению возможностей выбора и интеграции по самостоятельно выбираемым критериям. Факторы множественности источников сообщений и возможности их открытого обсуждения серьёзно противостоят тенденциям колонизации средств коммуникации, которые, несомненно, пытаются вторгнуться и в эту сферу. При всех усилиях государственных и коммерческих структур, пытающихся контролировать информационные потоки в интернете, аудитория уже принципиально перестаёт быть объектом однонаправленного воздействия, какой она является для обычных СМИ. Окончательно подрываются традиционные символические механизмы интеграции обществ: религия, мораль, авторитеты, традиционные ценности, политические идеологии. Технологические принципы работы интернета нейтрализуют возможности сокрытия какой бы то ни было информации, а сам факт вовлечения в коммуникационные сети развивает способности к рефлексии и самостоятельности выбора [Кастельс 2000].

Тем не менее, несмотря на многообещающие перспективы, противоречия между тенденциями «колонизации жизненного мира» и сопротивления им со стороны общества, стремящегося отстоять свободу волеизъявления, пока остаются остро ощутимыми на данном этапе исторического развития. Состояние развития общественного сознания и дискурсивной культуры ещё не достигло того уровня, при котором легко разрешаются конфликты и достигается согласие.

Хотя развитие публичной сферы в демократических странах привело к формированию достаточно высокого уровня дискурсивной этики, способности его поддержки на внешнем политическом поле, в условиях многообразия культур и способов жизни, остаются неразвитыми. Политические попытки распространения западноевропейского опыта в глобальном масштабе далеко не всегда оказываются адекватными тем методам, которыми накапливался этот опыт в самой Западной Европе, и потому редко бывают успешными. Политизация демократии возвращает процесс к инструментально-целевой модели рациональности, приводящей к агрессивной нетерпимости к альтернативным способам мышления и поведения, возведению в разряд абсолютной истины собственной ценностно-нормативной системы и её использования для манипуляции массами. Опыт копирования западных ценностей на российском геополитическом пространстве закончился неудачей именно в силу исторического развития совершенно иных принципов жизни и иного содержания социально-политических отношений.

Состояние развития общественного сознания и дискурсивной культуры ещё не достигло того уровня, при котором легко разрешаются конфликты и достигается согласие.

Опыт копирования западных ценностей на российском геополитическом пространстве закончился неудачей именно в силу исторического развития совершенно иных принципов жизни и иного содержания социально-политических отношений.

Непубличная сфера в России

В отличие от западноевропейских условий жизни, где удобнее и выгоднее было проводить политику расширения торговых отношений между более или менее равномерно развивавшимися территориями, в России геофизические и климатические условия диктовали совершенно иную логику экономического и политического развития. Сложившаяся и веками сохраняющаяся социально-политическая структура, выстроенная по жёстко-вертикальной оси: абсолютная власть – беспрекословно подчинённый народ, была определена потребностью физического выживания в суровом климате на бескрайних пространствах.

Представления о должном государственном устройстве формировались в терминах военной мощи, лидерства и народного сплочения. Все понятия о справедливости выстраивались вокруг категорий общинной взаимопомощи на горизонтальном уровне и властной заботе о народе – на вертикальном. Таков был своего рода общественный договор: неограниченные властные полномочия для исполнения защитных функций в обмен на полное народное послушание.

Однако с течением времени векторы развития верхнего и нижнего пластов общества выстраиваются противоположно направленным образом со всё большим расширением дистанции между ними. В результате социальная структура поляризуется настолько, что в рамках одной государственной системы образуются фактически два различных социальных «мира» – элитарный и народный, живущие по своим внутренним правилам, с практическим отсутствием каких-либо ментальных пересечений. Отношения между «мирами» ограничиваются спуском указаний сверху и поставками средств материального обеспечения элит снизу, тогда как срединное коммуникативное пространство остаётся практически неосвоенным.

Развитие социальной коммуникации постоянно сдерживалось искусственным силовым охранением условий существования двух полярных социальных миров в рамках единого государства. Возможности силового поглощения новых экономически малоосвоенных территорий позволяли законсервировать централизованные принципы управления и завершить формирование замкнутого политического пространства с чётко фиксированными религиозно-культурными кодами социальной интеграции.

Такая логика развития привела к тому, что в России, в отличие от западноевропейской истории, не были реализованы возможности для формирования механизмов взаимодействия элит и масс в решении проблем и разрешении противоречий. Социально-экономическая жизнь в России

на протяжении всей истории контролировалась властью. Отношения собственности никогда не были защищены ни юридически, ни фактически. Основным собственником было государство, а промышленники исполняли государственные заказы. Торговля развивалась на принципах государственного протекционизма, то есть путём возведения политических барьеров, ограждавших внутренний рынок от иностранных товаров. Аристократические слои могли рассчитывать на благополучную жизнь лишь при проявлении полной лояльности власти. Приручение аристократии и постепенный захват государством промышленно-торговой сферы никак не способствовали становлению свободного предпринимательства, создающего конкурентную среду и требующего развития публичной коммуникации.

Несмотря на проникновение западно-просветительских идей в Россию в XVIII в., здесь так и не сложилось удобных предпосылок для зарождения публичной сферы. Влияние западных общественных преобразований затронуло лишь поверхностный уровень жизни. Усвоение иностранных манер и церемоний высшими слоями сочеталось с извращённым пониманием свободы нравов, часто выражаемым в пристрастии к распущенным и развратным формам времяпрепровождения. Низшие слои оставались верными своим обычаям и понятиям, лишь укрепляясь во мнении, что всё нравственное и справедливое сосредоточено в древних традициях. Прогрессивные идеи личностной свободы и прав участия в политической жизни были близки лишь узкому слою образованной, но бесправной интеллигенции. Отдельные проявления свободной мысли, указывающие на абсурдность сложившейся социально-политической системы, не встречали понимания и поддержки в создавшемся тандеме господствующих слоёв и подчинённых масс, защищающем имперскую политику как единственно возможную на русской почве.

Невозможность участия в политической жизни привела к перенесению коммуникативной активности в скрытую от публичного внимания сферу. В XVIII–XIX вв. в России резко возрастает количество закрытых литературных салонов, офицерских клубов, масонских лож, тайных обществ. Идеальная продукция салонной коммуникации никак не могла проникнуть в крестьянское массовое сознание, задавленное тяжёлым трудом и бытом. «Русский культурный слой оказался над бездной, раздавленный двумя основными силами – самодержавной монархией сверху и тёмной массой крестьянства снизу» [Бердяев 1990: 21]. Отсутствие какого-либо влияния на массовое сознание и перспектив его постепенного роста приводило к развитию радикалистских настроений, желанию полного слома удушающей политической системы, которую к концу XIX – началу XX вв. уже невозможно было изменить мирными способами.

Именно из интеллигентской среды выросло поколение революционеров, сформировавших в отличие от открытой западноевропейской «буржуазной публичной сферы» узко культурную конспиративную сферу, в которой развернулись идеологические дебаты «западников» и «славянофилов» о судьбе России. Русская интеллигенция всегда была идеологической, а не экономической группой. Она была объединена не профессиональными интересами, а утопическими социально-преобразовательными идеями. Усвоение западных учений было догматическим, максималистским, непримиримым к сложившимся условиям – все эти качества служили самозащитой для узкого интеллигентского слоя. Только таким путём можно было выжить во враждебном мире. При этом русская интеллигенция, выросшая в имперской среде, в полной мере впитывала в себя установки имперского мышления и плохо воспринимала механизмы государственного устройства западного типа. Русскому мышлению всегда был чужд взвешенный критицизм. Российское коммуникативное пространство постоянно поляризовалось на жёстко разграниченные области своих – чужих, наших – не наших, друзей – врагов. В нём было мало места кропотливому анализу деталей и компромиссам. В нём подавлялись любые предпосылки для развития того типа демократии, которая в современном политологическом дискурсе получила определение «делиберативной». Все сомнения и рассуждения решительно отвергались. Революционная интеллигенция фатально недооценивала возможности и перспективы достижения договоренностей между различными социальными слоями, считая «пустой болтовнёй» разного рода дискуссии. Радикалы категорически выступали против «соглашательств» и приспособлений к сложившимся условиям, против всех возможных мирных путей отстаивания общественными группами своих интересов и прав. Приветствовались бескомпромиссность, боевая готовность и безоговорочное принятие одной из двух сторон – либо с нами, либо против нас.

Утопические коммунистические идеи подменили понятие свободного духа личности понятием негативной свободы от личной ответственности за происходящее с логически вытекающим единственным «правом» безоговорочной поддержки сильного и доминирующего – вождя. Противопоставив негативную свободу материальной собственности, идеологи революции жёстко разрывали преемственность семьи и рода – важнейших связей духовной жизни личности, которые направляют свободный дух в русло созидания на основе сохранения всего ценного, что было накоплено поколениями.

В результате не слишком сложных понятийных подмен, освобождавших от необходимости думать и принимать самостоятельные решения, массовое сознание оказалось использованным в качестве материала для реализации коммунистического

инструментально-рационального проекта. В итоге революционная интеллигенция не смогла предложить ничего принципиально нового для российского общественного устройства, возродив по сути прежнюю, но ещё более жёсткую и замкнутую политическую систему, гораздо менее предполагающую создание условий для формирования частного интереса и развития публичной сферы.

Коммунистическая идеология, став доминирующим фактором формирования советского общественного сознания, обеспечила «систематически искажённую форму коммуникации», против которой решительно выступал Хабермас, разрабатывая концепцию рационально-критического дискурса. Коммунистическое просвещение носило совершенно иной характер, чем Западное Просвещение XVIII в. Оно не предполагало умения и обладания мужеством «публично пользоваться собственным разумом» [Кант 1965: 28]. Оно шло не от частного, а от целого, не от роста личностного самосознания, а от укрепления традиционного идолопоклонства, массового преклонения перед вождями и стремления к упрочению замкнутой и монолитной государственной системы.

Условия становления публичности в современной России

Рационально-критическая активность в советские времена, так же как и при самодержавии, вынужденно реализовывалась в непубличной, приватной сфере, в скрытом от чужого глаза и уха, замкнутом и тесном «кухонном» пространстве, никак не способном претендовать на обретение общезначимого статуса. Любой всплеск несогласия оказывался под мощным прессом власти, ревностно охраняющей своё, завоёванное революцией, право на диктат. Альтернативное общественное мнение, так или иначе пробивавшееся сквозь идеологический монолит, изолировалось от народного сознания жёстко выстроенными механизмами информационного обеспечения. Советские СМИ тщательно ограждали граждан от «ненужной» информации. Возникающие проблемы, факты и события, разрушающие образ «счастливой советской жизни», обретали статус строгой секретности и не выпускались в массовый коммуникативный оборот. Сеть негласности и таинственности отделяла сферы принятия политических решений от массового сознания.

Тем не менее, существенные изменения в культурных слоях общественного сознания, долго вызревавшие в «непубличной сфере» через осмысление несоответствий идеологических постулатов советской практической реальности, подготовили изнутри кризис коммунистического проекта.

Однако разрешение идеологического кризиса, переместившись с социально-культурного уровня на политический в 1980-х гг., пошло по привычной для России революционной схеме тотального разрушения не только изжившей себя политической системы, но и сложившихся социально-экономических связей.

Период «перестройки» стал новым витком поверхностного усвоения демократической идеологии и копирования западного образа жизни. Попытки применить демократическую идеологию к российской практике были по характеру точно такими же, как и в период прежних социальных переворотов: нигилистическими, непримиримыми к сложившейся реальности и мечтательно-прожектёрскими. Они были заряжены революционным энтузиазмом смены идеологической формы с той же надеждой, что смена формы автоматически приведёт к кардинальным изменениям массового сознания и социальных отношений. Однако скопированные с западных идеологических образцов принципы частной собственности, рыночной конкуренции, свободы слова, собраний и митингов без фактических гарантий их обеспечения не сформировали у идеологически «перестроенного» российского гражданина чувства базовой социальной защищённости и уверенности в возможности долгосрочного проектирования жизни. Отсутствие проработанных правил «новой игры» и, что важнее, социально-нормативных установок межличностного взаимодействия не позволило избежать политического и социального хаоса 1990-х.

Политически открывшаяся возможность публичной критики дошедшей до абсурда коммунистической риторики затмила важность кропотливой работы по юридическому и фактическому реформированию внутренних социальных отношений. Условия становления формальной и неформальной публичности были заданы в большей степени эмоциональным всплеском социального раздражения, нежели рациональной потребностью постепенного улучшения повседневной жизни – устранения недостатков и сохранения достоинств.

Эмоционально насыщенной была и работа СМИ в «перестроечное время». СМИ энергично искали новые способы самовыражения и установления контактов с обществом. Статус посредника донесения правительственной информации широким массам сменялся на статус Средства Массовой Коммуникации. Соответственно менялись и техники общения: однообразный менторский тон советских дикторов замещался равноправными дружественными интонациями. Общество активно вовлекалось в обсуждение социально-политических вопросов, становилось субъектом коммуникации. Тем не менее, несмотря на развитие таких параметров, как «степень интеграции аудитории» и «интенсивность обращения текстов», это ещё не означало приближения к Хабермасовскому

Период «перестройки» стал новым витком поверхностного усвоения демократической идеологии и копирования западного образа жизни. Попытки применить демократическую идеологию к российской практике были по характеру такими же, как и прежде: нигилистическими, непримиримыми к сложившейся реальности и мечтательно-прожектёрскими.

идеалу, как поспешили интерпретировать политологи [Малинова 2007]. Короткий период свободы обсуждений перспектив общественного строительства не привёл к структурному оформлению публичной сферы в России. При быстром количественном заполнении качественное вызревание так и не успело произойти.

В публичной сфере начала 1990-х были созданы лишь первичные предпосылки для изменения структуры социально-политического взаимодействия – очистка политического поля от доминирующих конструкций. Несмотря на то, что были предприняты определённые шаги по устранению институциональных факторов, препятствующих формированию свободного социально-политического дискурса (монополии КПСС и доминирующей идеологии), условия поиска социального согласия не были созданы. Установки авторитарного мышления не могли исчезнуть из массового сознания по указанию сверху. Несмотря на провозглашение свободы от идеологий, основой публичного дискурса 1990-х была смена одной идеологической доминанты на другую, «демократическую», и любые попытки отойти от новой «генеральной линии» традиционно воспринимались как предательство. Новая идеологическая доминанта, хотя и втиснутая в демократическую риторику, быстро превратилась, как и любая идеология, в «аксиоматическую предпосылку, стремящуюся, в логическом развитии идеологической аргументации, игнорировать всю выходящую за рамки этой аргументации «нелогичную» реальность» [Arendt 1979: 471]. Идеологический стиль мышления, сопряжённый с нетерпимостью к другим идеям, помешал политической элите 1990-х направить усилия на создание рационально-регулирующих механизмов, которые задали бы социальную и политическую установку на примирение противоборствующих позиций и достижение согласия, необходимого для конструктивного проведения реформ.

Первичный этап политической идентификации, при котором на первый план вышли процессы идеологического «переодевания» и лидерского самоутверждения, не перерос в фазу становления общероссийской идентичности на базе договорённостей и компромиссов. Политическая арена быстро наводнилась огромным количеством партий и объединений, большинство из которых были настолько мелкими, что их названия и программы были неизвестны никому, кроме тех, кто их создавал. Со всей очевидностью проявилась российская традиция «доминирования конфронтации над согласием» и отсутствие «культуры толерантности». Стремление заявить свою позицию и быть замеченным затмевало потребность в политических договорённостях, мешало выработать общий «алгоритм взаимодействия» [Красин 2011: 135]. Многообразие мнений и слабость установки на поиск точек соприкосновения

Несмотря на провозглашение свободы от идеологий, основой публичного дискурса 1990-х была смена одной идеологической доминанты на другую, «демократическую», и любые попытки отойти от новой «генеральной линии» традиционно воспринимались как предательство.

привели к невозможности решения общих проблем. Особенно болезненно это ощущалось на уровне принятия государственных решений.

К 2000-м гг. стало очевидным, что глубинные пласты веками складывающегося менталитета не могли сдвинуться ни за 500 дней, как надеялись самые смелые реформаторы, ни за 10 лет. При незавершённости процесса структурного оформления публичной сферы процесс был резко прерван и развёрнут в обратную сторону. Неудачи на пути поиска социального взаимопонимания привели к выхолащиванию самой идеи и фактическому отступлению от неё. Поиск социального *согласия* был подменён активным восстановлением исходящей из глубин традиции риторики национального *единения*, что фактически означало возрождение государственного доминирования в социальной жизни.

В начале 2000-х, не отказавшись полностью от демократической риторики, государство стало использовать «мягкие» механизмы колонизации публичной сферы. Не подавляя открыто альтернативные источники смыслов, государство предлагает массам свой проект коррекции ошибок 1990-х и дальнейшего развития, пытаясь выстроить многоголосие мнений вокруг центральной оси. Все политические технологии подстраиваются под задачу обеспечения доминирования «партии власти», а в самой партии восстанавливается советский принцип «демократического централизма», подразумевающая полное единомыслие. Возникают идеологемы «суверенной демократии» и «российского консерватизма», быстро подменившие культурные ценности политическими принципами удобства управления массовым сознанием. В качестве «культурно-исторического кода» возрождаются религиозные «скрепы» массового сознания. Процесс становления публичной сферы отбрасывается, таким образом, далеко назад в период жёстко иерархической социальной структуры, преклонения перед церковными и властными авторитетами.

С 2012 г. законодательство принимает открыто запретительный по отношению к критической части общества характер. Процесс судопроизводства окончательно теряет признаки независимости от власти. «Суверенная демократия» теряет смысл демократии как «средства минимизирования доминирования власти в социальной жизни» [Shapiro 2003] и постепенно вытесняется риторикой военизированного патриотизма. Всерьёз разрабатываются пути восстановления государственной идеологии. К 2014 г. проект конструирования новой идеологической доминанты: «защиты национальных интересов», даже при незавершённости процесса её официально-риторического оформления, успешно восстановил «должную картину мира» у большинства населения, так и не утратившего государственных и патерналистских установок. Но попытки

К 2000-м гг. стало очевидным, что поиск социального согласия был подменён активным восстановлением исходящей из глубин традиции риторики национального единения, что фактически означало возрождение государственного доминирования в социальной жизни.

консолидации общества на принципах государственного доминирования, оставляя за пределами официального публичного пространства значительную часть альтернативно мыслящего общества, неизбежно создают очаги внутренней социальной напряжённости, скопления протестной энергии тех, кто ощущает себя в состоянии «экзистенциального диссонанса», то есть невозможности самореализации в предлагаемых условиях.

Ко второму десятилетию XXI в. незавершённые конструкции публичной сферы подвергаются откровенному натиску со стороны власти. Набирает обороты процесс поглощения государством пространства СМИ. С территории официальных СМИ шаг за шагом удаляются оставшиеся островки альтернативной подачи и интерпретации политических событий. Методично выстраиваются рамки «дозволенного» в сфере социальной критики власти. Разрешена и даже приветствуется критика недоработок в решении бытовых вопросов, что создаёт видимость открытости власти для общества, но категорически запрещено инакомыслие в политической сфере. СМИ вновь оказываются «мобилизационным агентом власти» [Соловьёв 2013: 21]. Возвращается безапелляционный стиль интерпретаций и назидательный тон подачи официальной версии событий. Главной целью федеральных информативных каналов становится создание «правильных» установок политического участия: безусловного доверия власти и некритического принятия любых политических решений. Политическая оппозиция не просто вытесняется на периферию публичной сферы, но открыто преследуется и парализуется. Тенденции восстановления традиционных политических механизмов общественной консолидации стали заметным фактором торможения процесса продвижения к утверждению в России коммуникативной этики как нового типа рациональности.

Однако при восстановлении СМИ статуса однонаправленного информатора правительственной политики одновременно происходит ослабевание их значимости как основного структурного элемента публичной сферы. По данным социологов, к 2014 г. лишь половина населения признавалась в доверии федеральному телевидению. И хотя доверие официальным СМИ резко возросло весной 2014 г., в период всплеска солидарности общества и государства в отношении к внешним угрозам и территориальным приобретениям (до 70%), некоторая часть общества, хотя пока и небольшая – около 5%, стала декларировать принципиальный отказ от телевидения в пользу интернета. К 2014 г. число пользователей интернета достигло 57%. Количество активных пользователей в стране удвоилось за последние три года. Примерно треть населения (34%) используют интернет для того, чтобы «следить за последними новостями» и 20% – чтобы «разобраться, что происходит в стране и за рубежом» [Волков 2014: 10]. Быстрый рост числа

Попытки консолидации общества на принципах государственного доминирования, оставляя за пределами официального публичного пространства значительную часть альтернативно мыслящего общества, неизбежно создают очаги внутренней социальной напряжённости.

Тенденции восстановления традиционных политических механизмов общественной консолидации стали заметным фактором торможения процесса продвижения к утверждению в России коммуникативной этики как нового типа рациональности.

пользователей и стремительное повышение социальной значимости интернета оказывается серьёзной помехой на пути реализации властной установки на нейтрализацию критической составляющей в обществе.

Интернет и в России постепенно, но довольно быстро начинает перетягивать на себя роль главного структурного элемента публичной сферы. Более высокая оперативность и насыщенность информации, распространяющейся в интернете, всё чаще вынуждают и традиционные СМИ использовать её в качестве основы своего содержания. Растёт количество электронных газет, журналов и книг, не имеющих печатных аналогов. Свободный доступ, возможность обмена информацией, минуя какие-либо посреднические структуры, обеспечивают условия для перехода на качественно новый уровень процесса развития публичной сферы вопреки серьёзно развившимся «колониаторским» тенденциям. Интернет становится ареной не только спонтанного выплеска массового сознания, но и местом, где происходит включение в социально-политический дискурс. И это явление содержит в себе потенциал реальной трансформации массового сознания, его гражданского становления.

В сетевом пространстве, осознанно или нет, массовое общение становится субъектным, и это является главным фактором, отличающим интернет от традиционных СМИ. Разрушая принцип однонаправленности информационных потоков, интернет создаёт условия, стимулирующие коммуникативные процессы. Необходимость выбора контента, знакомство с комментариями и формирование собственного отношения к ним неизбежно развивают способности к рефлексии, что является важным шагом на пути становления коммуникативных навыков и гражданских качеств. Интернет предоставляет широкие возможности для самовыражения, распространения индивидуальных инициатив, согласования интересов и образования сообществ, организации кампаний в поддержку или противодействие различным проектам, координации групповых действий. Кроме того, вырабатываются механизмы внутреннего регулирования общения: от указания на недопустимость ненормативной лексики до отсекаания из круга участников, использующих неприемлемые для других способы самовыражения. Интернет-сообщество так или иначе тяготеет к повышению коммуникативной этики и общей дискурсивной культуры.

Сетевое производство публичности пока представляется единственно перспективным в России в условиях возрождения тенденций государственной колонизации коммуникативного пространства. Установление тотального контроля над информационными потоками интернета, хотя и возможно на определённом отрезке времени, признаётся трудно разрешимой задачей в не слишком отдалённом будущем. Непрерывное совершенствование информационных технологий, которыми

В сетевом пространстве, осознанно или нет, массовое общение становится субъектным, и это является главным фактором, отличающим интернет от традиционных СМИ.

быстро овладевают как специализированные структуры, так и продвинутые пользователи, видится залогом поддержания баланса между возможностями индоктринации сознания и развитием противоборствующих тенденций. Быстрое развитие альтернативных способов коммуникативного поведения, поддерживаемое технологическими возможностями мобильной связи и интернета, служит источником принципиальных изменений в системе социальных и политических диспозиций. И этот процесс необратим! Установки властных структур на производство и укрепление доминирующих идеологических конструкций, используемых в качестве средства манипуляции массовым сознанием, обречены на неизбежное разрушение в новых информационно-технологических реалиях.

Развитие публичной сферы в России, формирующей конкурентную коммуникативную среду, является необходимым, хотя и недостаточным условием разрешения противоречий и конфликтов. Только открытое обсуждение социальных и политических проблем с равными для всех участниками правилами доступа способствует осознанию неизбежности поиска взаимопонимания и принятия общезначимых решений.

Библиографический список

Бердяев Н. А. 1990. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 224 с.

Вебер М. 1990. Избранные произведения. М.: Прогресс. 808 с.

Волков Д., Гончаров С. 2014. Российский медиа-ландшафт: телевидение, пресса, интернет. Официальный сайт Левада-Центра URL: <http://www.levada.ru/17-06-2014/rossiiskii-media-landshaft-televidenie-pressa-internet> [Дата посещения: 18.09.2014].

Грушин Б. А. 1987. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат. 368 с.

Кант И. 1965. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений в 6 т. Т 6. М.: Мысль. С. 27–35.

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Красин Ю. А. 2011. Политическая рефлексия и модернизация // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 10. / Отв. ред. М. К. Горшков. М.–СПб.: ИС РАН, Нестор-История. С. 127–140.

Малинова О. Ю. 2007. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Политические исследования. № 1. С. 6–21.

Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. М.: REFL-book. 368 с.

Соловьёв А. И. 2013. Медиаспособности государства как фактор развития российского общества: проблемы и практики // Политические коммуникации в изменяющейся России / Под ред. Л. Н. Тимофеевой. М.: РОССПЭН. С. 17–24.

Arendt H. 1979. *The Origins of Totalitarianism*. NY: A Harvest Book. 527 p.

Habermas J. 1962 (1991). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press. 301 p.

Habermas J. 1991. *The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalisation of Society*. Cambridge: Polity Press. 465 p.

Habermas J. 1992. *The Theory of Communicative Action. Vol.2: The Critique of Functionalist Reason*. Cambridge: Polity Press. 457 p.

Shapiro I. 2003. *The State of Democratic Theory*. Princeton: Princeton University Press. 200 p.

The Development of Public Sphere in Russia as a Necessary Condition for Social Conflicts' Resolution

Voronkova Olga Alexeyevna

Candidate of political sciences, researcher of the Institute of Sociology of Russian Academy of Science, Moscow, Russia. E-mail: olden@liant.ru

Abstract: The social contradictions and serious diversity of ideological dispositions in mass consciousness that have flared up at the beginning of the second decade of the 21st century obviously require urgent resolution. The technologies of social reconciliation on the base of revival of state domination in social life actively elaborated and insistently promoted by the political elite do not correspond to requirements of modern conditions. The complex relationships of political elites and active society can no longer be explained by classic structural-functional theories according to which the elites are called upon to perform unidirectional guidance of the masses. The article examines modern communicative approaches, emphasizing the bilateral, interactive nature of relations of the ruling elites and society and developing the principles of “communicative ethics”, as the tasks most relevant to searching for mutual understanding and reaching social consensus. The process of conflict resolution in modern society should be guided not by the ambitions “to take victory on the battlefield”, but by the “skill to negotiate”. The article raises issues of the development of the competitive communication space in Russia, analyzes the theoretical concept of the “public sphere”, where social interests and demands are clarified, and find support with rational arguments and where the discursive culture is created. The discursive qualities imply the ability to listen to and hear the opponent, and forming attitudes to reach compromises and take decisions acceptable to all sides. The Western European and Russian historical circumstances for public sphere formation are compared, and the current obstacles of formation of civil consciousness in Russia and possibilities and prospects of developing the public sphere are examined.

Keywords: public sphere, mass consciousness, ideology, social and political discourse, communicative ethics.

References

Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. New York, A Harvest Book, 1979. 527 p.

Berdiaev N. A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* []. Moscow, Nauka, 1990. 224 p.

Grushin B. A. *Massovoe soznanie: Opyt opredelenija i problemy issledovanija*. Moscow, Politizdat, 1987. 368 p.

Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society*. Cambridge, MIT Press, 1962 (1991). 301 p.

Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalisation of Society*. Cambridge, Polity Press, 1991. 65 p.

Habermas J. *The Theory of Communicative Action. Vol.2: The Critique of Functionalist Reason*. Cambridge, Polity Press, 1992. 457 p.

Kant I. *Otvet na vopros: chto takoe Prosveschenie? [Answering the Question: What is Enlightenment?]*. – Kant I. *Sobranie sochineniy. Vol 6*. M.: Mysl', 1965, pp. 27–35.

Kastels M. *Informacionnaja epoha: ekonomika, obschestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]*. Moscow, SU HSE, 2000. 608 p.

Krasin Y. A. *Politicheskaja refleksija i modernizacija [Political reflection and modernization]*. – *Rossija reformirujuschajasja. Ezhegodnik. Vyp. 10*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow–Saint-Petersburg, IS RAN, Nestor-Istorija, 2011, pp. 127–140.

Malinova O. Y. *Ideologichesky pluralizm i transformacija publichnoy sfery v postsovetskoy Rossii [Ideological pluralism and the transformation of the public sphere in post-Soviet Russia]*. – *Politicheskiye issledovaniya*, 2007, No 1, pp. 6–21.

Markuze G. *Odnomerny chelovek [One-dimensional man]*. Moscow, REFL-book, 1994. 368 p.

Shapiro I. *The State of Democratic Theory*. Princeton, Princeton University Press, 2003. 200 p.

Soloviov A. I. *Mediasposobnosti gosudarstva kak faktor razvitija rossiyskogo obschestva: problemy i praktiki [Media possibilities of the state as a factor of the development of Russian society: issues and practices]*. – *Politicheskie kommunikacii v izmeniajuscheysia Rossii / Ed. by L. N. Timofeeva*. 2013. pp. 17–24.

Veber M. *Izbrannye proizvedeniya [Selected works]*. Moscow, Progress, 1990. 808 p.

Volkov D., Goncharov S. *Rossijsky media-landshaft: televidenie, pressa, internet [Russian media space: television, press, internet]*. Levada-Center official website. URL: www.levada.ru/.../files/levada_report_media_0.pdf [date of visit 18.09.2014].